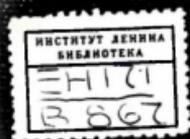
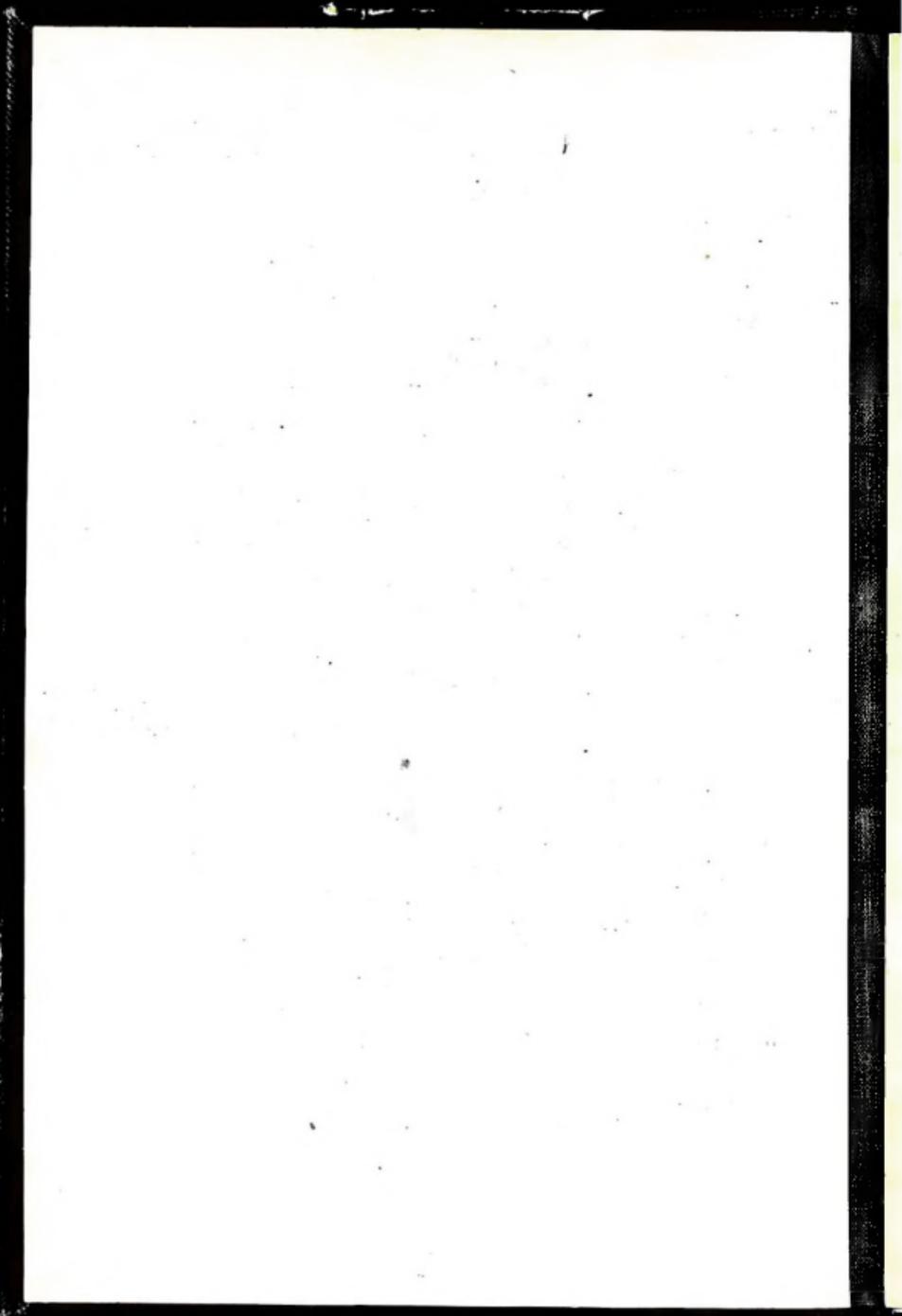
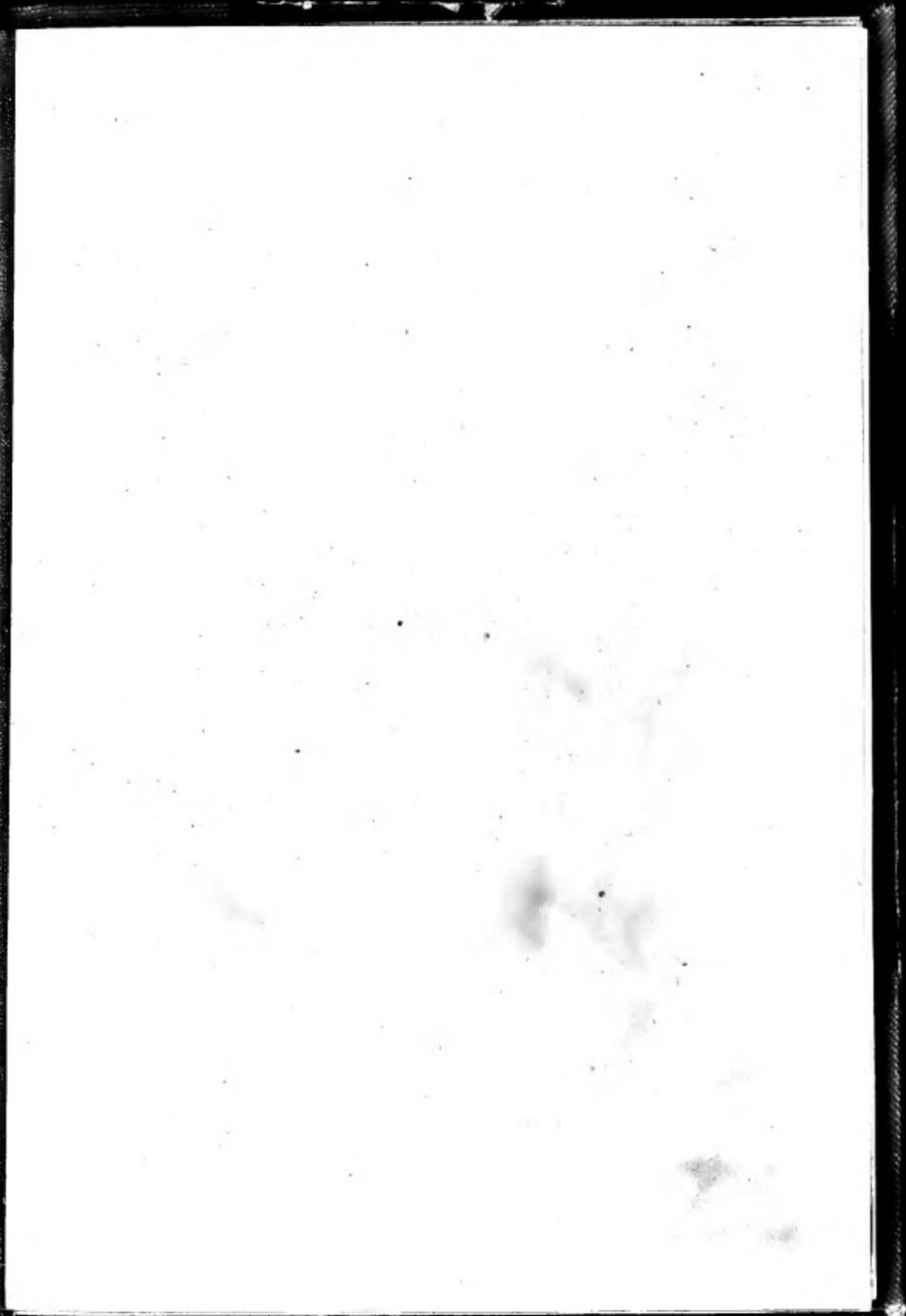
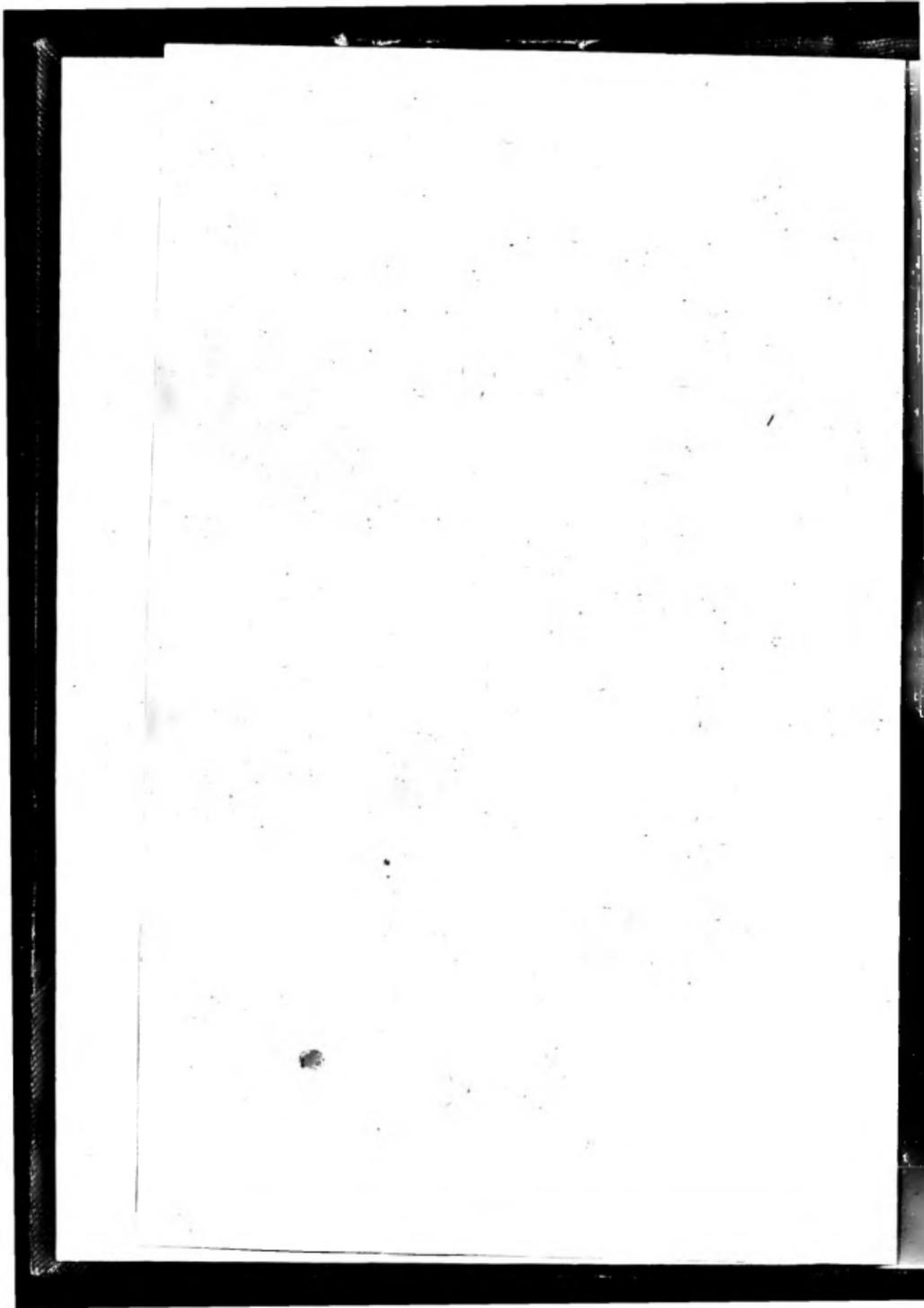

Ч.3.
В60
В8н

Л. ТРОЦКИЙ

ЕН171
В867

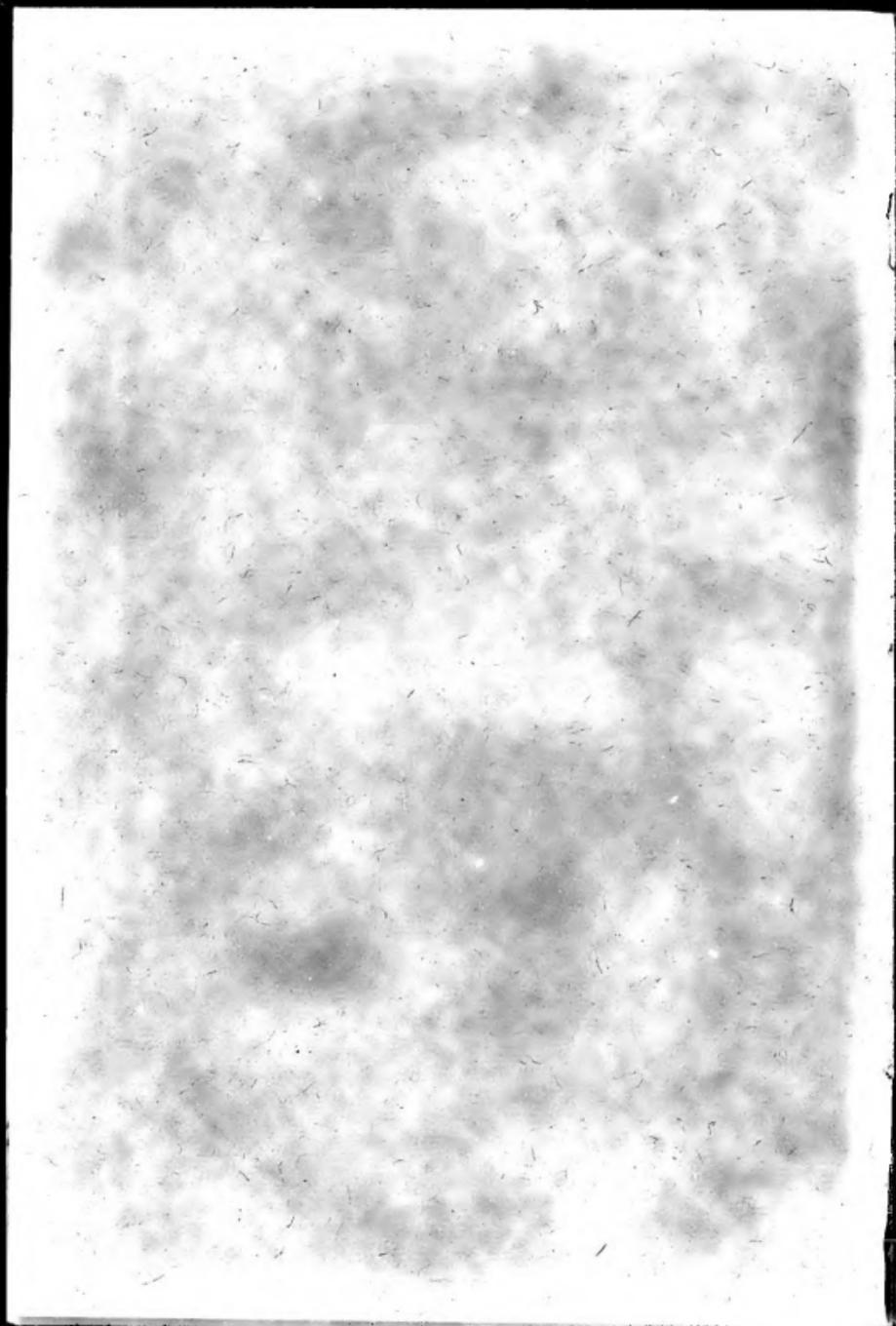
ВОСЕМЬ ЛЕТ

И Т О Г И
и
ПЕРСПЕКТИВЫ

1926

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Л. ТРОЦКИЙ

ЕН 171

В 867

ВОСЕМЬ ЛЕТ

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Р Е Ч Ь

на торжественном заседании Кисловодского Горсовета,
совместно с партийными, профессиональными и комсомольской
организациями, посвященном 8-й годовщине
Октябрьской Революции,
8 ноября 1925 года

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА * 1926 * ЛЕНИНГРАД

К.

ЕН171
В867

История
Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (6.)

~~1200~~

~~(002)~~

2917
36
с. 1.

1062643

НАПРАВЛЕНИЕ И ТЕМП

Товарищи, как будто незаметно подошла восьмая годовщина Октября. Невольно спрашиваешь себя: что, если бы 8 лет тому назад, накануне Октябрьского переворота, вечером накануне захвата власти в тогдашнем Петрограде, кто-нибудь мог показать руководителям Октябрьского переворота панораму нынешнего нашего Советского Союза и окружающих стран,— что мы сказали бы? Я думаю, что сказали бы: не плохо, но дело сложится через 8 лет лучше. По крайней мере, за себя могу сказать по чистой совести, что если бы кто-нибудь тогда показал в кинематографе нашу сегодняшнюю жизнь, я бы сказал: да, успехи есть, но недостаточные! И думаю, что точно так же сказали бы все товарищи, принимавшие участие в Октябре, думаю, что так же сказал бы и Владимир Ильич. Мы ждали более быстрого развития событий. Вы знаете, что движение определяется, во-первых, направлением и, во-вторых, скоростью. Можно из Кисловодска в Ессентуки доехать за час, за два, за полчаса, — нужно только знать дорогу. Так вот, если мы накануне Октября представляли себе движение более быстрым, чем оно оказалось на деле, то направление мы имели в виду то самое, по которому события развиваются на наших глазах. Дорогу мы знали. Теперь сделаем мысленно обратную проверку. Что, если бы панораму Советского Союза 8 лет тому назад показать, да не нам, а нашим врагам, если бы показать царской бюрократии, Гучкову, Милюкову (не к ночи будь помянут!) (смех), если бы им показать эту самую pano-

раму, уж они-то наверняка сказали бы: вздор, фантазия, от большевиков через 8 лет и мокрого места не останется, — вот что они сказали бы. А Дан с Черновым повторили бы то же самое. Значит, если у нас был просчет, то только насчет скорости движения, а у них был просчет коренной, в смысле всего направления. Если бы кто из нас ехал из Питера в Москву и собирался быть там на другой день утром, а поезд запоздал, — неприятно, но с запозданием все-таки прибудем на место. А у них-то случилось так, что думали — едут в Москву, а прибыли за границу (*смех*). Это уж посерьезнее. Тут дело идет не о скорости, а о направлении: совсем не в то место попали (*аплодисменты*).

Когда я говорю, что мы такой пророческой панораме не поверили бы, я имею в виду, первым делом, не Советский Союз, а наших буржуазных соседей. Ведь мы надеялись, и не без основания, что вслед за нашей революцией последует революция во всех европейских странах, с одной стороны, в Азии — с другой, а затем перекинется и в Америку. Между тем, восьмую годовщину Октября мы встречаем в окружении буржуазных государств. Кроме нашего Советского Союза, пролетариат не имеет власти нигде. Был небольшой эпизод в Баварии, более длительный — в Венгрии, но и там буржуазия власть себе вернула. Через восемь лет после Октября мы остаемся попрежнему единственным рабоче-крестьянским государством. И кольцо капиталистических государств даже пытается более угрожающе сжаться вокруг нас как раз к восьмой годовщине Октября.

КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ МИРОТВОРЦЫ

Наши газеты полны еще отголосков дипломатической конференции в городе Локарно. Если не ошибаюсь, это тоже курорт, вроде Кисловодска. Дипломаты капиталистических государств, видите ли, сделали в Локарно к восьмой годовщине Октября замечательное открытие, — что мир лучше войны. Оглянувшись друг на дружку, они сказали: давайте учиним мирный сговор — на дипломатическом языке: пакт. Со вре-

мени так наз. рождества христово прошло 1925 лет. Все время думали, наконец додумались к восьмой годовщине Октября поднести нам христово яичко (*смех*); сговорились больше не воевать. Но мы хорошо знаем, что это значит. Еще у Крылова рассказано, как Полкан с Барбосом сговорились жить мирно; но только повар бросил кость, как шерсть полетела клочьями. Костей на земном шаре не мало, и одной такой костью, которой как бы им не подавиться, является наш Советский Союз (*аплодисменты*). Погодите, товарищи, будем аплодировать, когда подавятся (*смех, бурные аплодисменты*).

Они заключили международный „пакт“, в силу которого Англия стала теперь вроде как бы мировым судьей Европы. Англия должна заботиться, чтобы Франция не обидела Германии, но чтобы и Германия не обидела Франции. Англия является гарантом — тоже словечко, вроде пакта, — поручителем за неприкосновенность границ. Однако, менее осторожные из дипломатов нет-нет да и пробалтываются, что пакт-то для мира, да мир только для цивилизованных, демократических, благочестивых государств; но что у этого пакта есть и острое, и что это острое направлено против государства неблагочестивого, недемократического, немирлолюбивого, которое называется Советским Союзом. Когда за последнее время наша печать обличала, со свойственной ей невежливостью: лицемеры мод вы, господа дипломаты, весь ваш пакт есть преступная сделка, во-первых — для грабежа колоний, во-вторых — для получения американских капиталов, и в-третьих — против Советского Союза, — то ответственные дипломаты ответили: ни в каком случае не против Советского Союза; да если он образумится, да если он придет в надлежащие чувства, так мы ему, — сделайте ваше одолжение, — пожалуйста в Лигу Наций, — там уж и кресло приготовлено и все такое прочее.

Но концов с концами эти господа не сводят. Ибо как раз за последнее время министры Англии, которой поручено играть роль мирового судьи Европы, очень круто о нас выражаются — у меня тут есть некоторые газетные вырезки на этот счет. Министр внутренних дел, Джойнсон Хикс, заявил: „Позор, что англичане (т.-е. английские рабочие) дают одурачить себя ино-

странной державе, единственная цель которой — разрушение Великобритании". Они объединяются для мира и вопят, что есть такая держава, единственная цель которой — подумать только! — разрушить Великобританию. „В Москве целят в Англию, — продолжает Хикс, — так как там поняли, что Англия защищает свободу мира". Англия защищает свободу мира! Вот если бы нам поручить нашему Госиздату издать для каждого грамотного человека книжечку в 12 страниц и перечислить в ней, как Англия в течение столетий защищала свободу мира, как она разорила Испанию и Португалию, как она воевала с Китаем из-за того, что китайцы не хотели отравлять себя английским опиумом, как она покорила Индию и душит ее, как она столетиями заставляла кровью истекать Ирландию, как она задушила Египет, как она поддерживает реакционнейшего китайского маршала Чжан-Цзо-Лина против китайской демократии, как она в Китае сегодня на фунты стерлингов создает отряд русского монархиста Нечаева для поддержки китайской монархической реакции, как она в Турции поддерживает реакционеров-старотурок против национальной турецкой демократии и, во имя „свободы мира", отнимает у Турции Мосул, где находятся большие залежи нефти, как она, наконец, работала и работает у нас... Только на-днях читали мы, как наше ГПУ раскрыло английско-эстонский шпионский заговор, во главе которого стоял бывший царский офицер Франк, заговор с участием русских монархистов, с центральной организацией в Ревеле, с отделениями в Ленинграде и в других местах. Правящая Англия защищает свободу мира! Она накопила лютую ненависть к себе в сердцах народных масс обоих полушарий. И вот эта насквозь прожженная, вскормленная на традициях рабовладения, грабежа и удушения целых народов английская буржуазия, устами одного из своих прожженных дельцов, министра внутренних дел Хикса, заявляет, что в Москве затевается заговор против Англии, как против освободительницы мира!

А другой министр, имя которого мы знаем несколько лучше, Черчилль, заявил, что „мировая история вступила в новый период, после того как в Москве засела шайка бесчеловечных заговорщиков". Насчет того, что история вступила в новый

период — с этим согласны, а насчет шайки заговорщиков — об этом при удобном случае мы еще Черчиллю напомним. У нас память хорошая, крепкая. „В отношении Англии, — продолжает министр, — эти темные силы проявляют особую злокозненность“. Давайте же начистоту: правящая Англия организовала пакт, который, по замыслу ее, должен стать заговором шайки империалистов против свободы всего мира, — ведь это и есть их „пакт“ в переводе на честный язык. Только валят они с империалистской головы — на советскую. Почему, однако, Черчилли заговорили вдруг неистовым языком, точно на второй день после Октябрьского переворота, когда у капиталистов, наших и иностранных, еще раны затянуться не успели? Казалось бы, за 8 лет пора привыкнуть, господа! Но нет, раны у них, очевидно, горят и сегодня. Шайка заговорщиков! Уничтожение Великобритании! — это английские империалисты вопят не от силы своей, а со страха и ненависти, зубами скрежещут, министры демократической, цивилизованнейшей страны почти-что непотребными словами выражаются. Но, к счастью, не так страшен чорт... виноват, не так страшен Черчилль, как сам себя малюет (смех).

Мировой судья Европы — Англия. Но мы за спиной ее все нитки видим. Мы знаем, что есть более серьезный владыка капиталистического мира. Англия ведь только, всего-навсего, приказчик, лицо почти-что подставное. А пакт организован, по существу дела, Соединенными Штатами Северной Америки. Вот где большой заокеанский хозяин. Про Соединенные Штаты вы знаете: у них в подвалах 9 миллиардов золотых рублей, а на всем свете 18 миллиардов, значит половина у Соединенных Штатов. Населения в Соединенных Штатах сто с лишним миллионов, какая-нибудь одна восемнадцатая часть мирового населения, а богатства у них одна треть всего мирового достояния. У них, чего ни коснись — хлеб, уголь, металл — 30 — 40% мирового, 50% мирового, 60% мирового, нефти — 72% мировой, автомобилей — легковых и грузовых — 90% мирового числа автомобилей. Вот что такое Соединенные Штаты Северной Америки! Это — зверь большой, и очень хорошо, что он пока-что за океаном сидит (смех).

Так вот, товарищи, пакт нужен С. Ш. С. А., потому что если одни страны страдают от недостатка золота, то Соединенные Штаты страдают от золотого голодания, — приходится вывозить капитал. Куда? Остальных частей света недостаточно, приходится вывозить в Европу, вкладывать там в банки, в фабрики, в заводы. А ведь в Европе неспокойно, Европа еще не умиротворилась после империалистской войны. Ясно, что американец, который вкладывает свои капиталы, нуждается, чтобы в Европе был порядок и мир, обеспечивающий надежные проценты. В самой Америке коммунизм еще слаб — это знаете вы все. Но Америка ненавидит коммунизм и боится его не меньше, чем буржуазия Европы, потому что Америка вкладывает свои миллиарды в европейские дела, и революция в Европе означала бы для нее миллиардные убытки. Это Америка распоряжается Европой: а потрудитесь-ка заключить пакт. Кто решится по настоящему возражать? Ведь все у Америки в долгу, как в шелку. Америка может сегодня же опрокинуть немецкую марку, французский франк, — про итальянскую лиру нечего и говорить, — и даже английский фунт стерлингов, и они полетят вниз кубарем, примерно как когда-то летел наш совзнак. Между Европой и Америкой есть телеграфный кабель, его можно ощупать рукой, но есть и еще цепь, невидимая, но очень действительная: цепь европейской финансовой зависимости. Из Нью-Йорка за эту цепь дернут, и храбрый Черчилль поворачивается направо, налево — как приказано. Соединенные Штаты говорят: если вы, европейцы, хотите получать от меня займы и хотите поддержания вашей валюты моим золотом, так потрудитесь не драться, а совместно выполнять полицейские обязанности. Тратьте поменьше денег на вооружение и поаккуратнее выплачивайте мне проценты. А если Советский Союз попытается расшатывать столбы европейского порядка, тогда вы — лицом и штыком против Советского Союза! Конечно, одними американскими интересами вопрос не исчерпывается. Тут есть еще сложный переплет европейских интересов. Но решающий перевес в европейских делах — за Соединенными Штатами. „Пацифизм“ локанского пакта — американской фабрикации. Из этого пацифистского мешка

торчит шило, довольно явственно направленное против нас. Было бы, с нашей стороны, наивным и даже преступным легкомыслием эту опасность отрицать.

*МЫ НЕ БЕЗОРУЖНЫ. У НАС НЕ ТОЛЬКО ВРАГИ НО
И ДРУЗЬЯ*

Корень опасности в том, что через 8 лет после Октября пролетариат Европы не взял еще в свои руки власть. Этот факт налагает на нас дополнительные тяготы. Мы вынуждены иметь Красную Армию и Красный Флот. Это большая ноша для бедной рабоче-крестьянской страны. Армия и флот для бюджета означают полмиллиарда рублей. Если бы мы не были окружены врагами, если бы американское правительство не стремилось вмешиваться в наши внутренние дела, если бы в Европе не было цивилизованного мирового суда, который привык освобождать мир и хотел бы русских крестьян уравнять с индийскими, тогда, разумеется, 500 миллионов рублей пошли бы на промышленность, на сельское хозяйство, на школы, на больницы, и мы могли бы при помощи такого вклада двигать вперед наше хозяйство с удвоенной скоростью. Но есть ли здесь, в этом зале, один такой безумец, который скажет, что мы имеем право, перед лицом оскалившего челюсти мирового империализма, распустить Красную Армию, отказаться от Красного Флота? Этого не скажет никто! Вот почему, отдавая себе ясный отчет в том, что мировая революция развивалась за эти восемь лет гораздо медленнее, чем мы надеялись, мы имеем в то же время право с гордостью указать на то, что рабочий класс и крестьянство, под руководством коммунистической партии, успели за эти годы выдвинуть из своей среды организованную вооруженную силу, которая занимает не последнее место в мировом балансе.

С другой стороны, нужно указать и на то, что хотя революционное движение Европы и не так быстро ведет к уничтожению рабства и насилия, хотя процесс этот проходит не только через периоды подъема, но и через периоды упадка, но он идет

вперед. И то же самое можно сказать об освободительной борьбе угнетенных наций. И если в первые годы после Октябрьского переворота могучим побудителем и двигателем был самый факт захвата власти трудящимися, то теперь таким же двигателем мировой революции является наш хозяйственный и культурный рост. В первое время угнетенные всего мира говорили: смотрите, рабочие взяли власть! А теперь угнетенные говорят: надо присмотреться к тому, как рабочие эту власть применяют. Наш хозяйственный и культурный рост уже сейчас, как магнит, притягивает к нам взоры передовых элементов рабочего класса всей Европы, а завтра — и Америки. Депутации все в большем числе являются к нам, чтобы видеть, что мы сделали за восемь лет существования советской системы. Это движение имеет прямо-таки историческое значение. Тут организуется новый „пакт“, новый союз рабочего класса Европы и нашей революционной страны. Тут уже не коммунистические верхи, не меньшинство пролетариата, а широкие беспартийные и социал-демократические массы вовлекаются в общение, а значит и в сближение с нами. Фактом нашего существования в течение восьми лет мы побудили их послать к нам своих доверенных людей: „пойди, посмотри, узнай и расскажи“. Пропаганда, которую эти депутации ведут у себя, в своих странах, противопоставляя правду лжи, является не меньшей гарантией нашего дальнейшего сохранения в кольце врагов, чем существование рабоче-крестьянской армии. Внимание к этим пролетарским, а завтра — и крестьянским делегациям Европы, внимание не праздничное только, не казенное, не показное, а будничное и деловое! И банкет можно устроить, и чествовать, но надо им, прежде всего, показать все: и свет и тени, и завоевания и прорехи, чтобы они знали нас не только в нашей силе, но и в нашей слабости, чтоб они могли впредь правильно измерять наши успехи. И совет они могут во многих случаях нам подать, и не плохой совет. Среди них есть высоко-квалифицированные рабочие, которые, посмотрев, как мы работаем, могут нас кое-чему научить. А нам есть чему учиться. Нам до зарезу нужно учиться, не упуская ни одной okazji, ни большой, ни малой...

Спросим теперь снова: тверже ли мы стоим на ногах в окружении врагов, чем стояли несколько лет назад? Тверже, много тверже. А есть ли опасности? Есть, и весьма, иные опасности даже возросли. В 17—18 г.г., на другой день после завоевания власти, буржуазии скинуть нас вооруженным вмешательством было бы очень просто и легко. Но тогда продолжалась еще империалистическая война, и в этом было спасение наше. Потом пошли годы, в течение которых буржуазия с оскаленными челюстями делила добычу, оглядываясь в то же время со страхом на собственный рабочий класс, который котлом кипел после войны. И в этом было опять-таки спасение наше. Потом Пуанкаре затеял вторую, малую войну—оккупацию Рура—в январе 1923 года, и создал до крайности обостренное положение в Европе. А мы тем временем строили хозяйство, расширяли посевной клин, укрепляли армию. Рур привел в Германии к революционной обстановке. Мы рассчитывали сильно шагнуть вперед. Но германская коммунистическая партия, лишенная надлежащего руководства, оказалась не в силах использовать благоприятную обстановку и вырвать у врага власть. Начался неизбежный отлив. Поражение революции в Болгарии! Поражение восстания в Эстонии! Буржуазия почувствовала прилив уверенности, и отсюда вырос, между прочим, этот самый пакт, направленный, разумеется, против европейского пролетариата, а значит и против нас. Но история совершает свою работу и дальше. Классовые противоречия в Англии чрезвычайно обостряются, — этим и объясняется зубовой скрежет господ Черчиллей. Но скрежетом они, делу не помогут. Во Франции червь финансового кризиса точит и точит страну. Наконец, последние телеграммы свидетельствуют о том, что немецкий рабочий класс начинает, повидимому, оправляться после тягчайшего поражения, понесенного им в октябре 1923 года. На последних городских выборах немецкие коммунисты получили большой прирост голосов. Это признак очень знаменательный. В Англии рабочий класс поднимается под знаменем единства рабочего фронта и, прежде всего единства с Советским Союзом. На последних городских выборах английская рабочая партия, которая в низах своих бесконечно выше

своих отчасти злосчастных, отчасти злонамеренных вождей, вырвала десятки и десятки новых мест в самоуправлении. Борьба сил идет полным ходом. Мы крепнем. Враг ищет наших слабых мест для удара. Вывод? Он прост: смотреть в оба. Если 8 лет просуществовали, это вовсе не значит, что на 9-м тучи не могут стукнуться над нашей головой. Смотреть в оба! Старая ученая поговорка говорит, что пушки—это последний довод королей, потому что в старину пушки принадлежали только королям. Ныне есть пушки, которые являются доводом и в руках пролетариата,—это наши советские пушки. И до полного и действительного умиротворения Европы мы этот довод из своих рук не выпустим!

РОСТ ПРОИЗВОДСТВА И ВЫХОД ЗАГРАНИЦУ

Основой нашей военной, как и нашей международной революционной силы является наш хозяйственный рост. Государство наше стало сильнее тем одним, что вырос его бюджет, источник всех государственных мероприятий. Государственный бюджет на ближайший год достигнет 3,8 миллиарда рублей. За 3 года бюджет наш вырос в три с лишним раза. А бюджет отражает общий рост нашего хозяйства. Основные цифры вы, надеюсь, знаете все. Промышленность в этом году дала продуктов в три с лишним раза больше, чем в 1921 году. Мы дошли до 72% довоенного уровня промышленности, а по смете следующего хозяйственного года должны вплотную подойти к довоенному уровню.

И в области сельского хозяйства мы приближаемся к довоенному уровню сбора хлебов и технических растений. Мы растем, а в то же время всего не хватает. В последние дни я встретил корреспонденцию в московских газетах как раз отсюда, из Терского округа, в которой рассказывается, что терский крестьянин испытывает острую нужду в промышленных товарах: нет кровельного железа, нет шинного железа, не хватает мануфактуры, не хватает эмалированной посуды и пр. и пр. Правильно. Не хватает. Но эта нехватка откуда? > Нехватка промышленных товаров является, сама по себе, и

выражением и следствием нашего хозяйственного роста. Не хватает, несмотря на то, что растем быстро. Промышленность не поспевает за ростом товарности сельского хозяйства. Вывод отсюда тот, что надо дать дополнительные средства промышленности и лучше использовать те средства, какие у промышленности имеются. Государственная промышленность не должна отставать от развития сельского хозяйства, иначе экономическое и политическое руководство не могло бы оставаться в руках пролетариата, а это означало бы крушение революции. Ввоз продуктов промышленности из-за границы, в том числе и для нужд крестьянства, растет из года в год. В прошлом хозяйственном году ввоз и вывоз вместе составляли полмиллиарда рублей, а в этом году должны составить более миллиарда. Даром нам за граница ничего не дает: чтоб ввозить, надо вывозить. Главные статьи нашего вывоза поставляются сельским хозяйством. Но мы приступаем к вывозу и некоторых предметов промышленности для того, чтобы ввозить другие, более необходимые. Кажись, вчера в газетах была телеграмма (я ее вырезал и наклеил), которая касается одного из предметов нашего экспорта: „По сообщению газеты „Лупта“ (это румынская националистическая газета), охранка конфисковала в румынской гавани Джурджу партию галош Резинотреста. Охранка угрожает заказчику (румынскому купцу) арестом в случае сохранения сделки с Резинотрестом, указывая, что Москва хочет вести в Румынии пропаганду путем присылки галош“ (смех). Товарищи, это, пожалуй, не так уж смешно, как кажется на первый взгляд. Ведь главный агитационный козырь врагов в том, что большевики разорили страну. А наш растущий экспорт бьет по этой лжи фактом — пшеницей, галошей. Европейские рабочие рассуждают так: буржуа говорят, что коммунисты все больше разоряют Россию, а к нам оттуда потихоньку прет пшеница, лен, идет пушнина, покатались яйца, а там, глядишь, терский или украинский поросенок начинает во весь голос вести за границей разрушительную пропаганду (смех). Европейские народные массы видят, что тут концы с концами не связываются: промышленность большевики убили, а начинают галоши вывозить.

Румынская охранка не спроста зашевелилась: советская галоша и впрямь ведет социалистическую пропаганду, и как бы румынскому боярству не сесть в эту галошу (*смех, аплодисменты*). Может быть, слабонервному румынскому боярству чудится еще сверх того, что вслед за советской галошей последует военный сапог? (*смех*).

К СОЦИАЛИЗМУ ИЛИ К КАПИТАЛИЗМУ?

Да, наше народное хозяйство растет. Но вопрос, кому на пользу идет этот рост? Растем ли мы в сторону капитализма или в сторону социализма? Ответ на этот вопрос определяет смысл всей нашей работы. Нас занимает вопрос не только о том, что мы хозяйственно растем, что мы из года в год производим больше продуктов, — нет, нас, как коммунистов, занимает вопрос о том, в каком направлении мы растем — вперед, в сторону социализма, или назад, в сторону капитализма. Ответ на этот вопрос дан в таблице, выработанной Государственной Плановой Комиссией (Госплан). Ответ дан совершенно бесспорный по отношению к промышленности, торговле и финансам.

В этом году 79% промышленных товаров, обращающихся на нашем рынке, дали государственные заводы, 20% с небольшим дали кустари, арендаторы и концессионеры (в прошлом году они дали 23%). Значит, государственная промышленность дает подавляющее большинство продукции, и процент ее растет из года в год за счет продукции частной. А как обстоит дело в области торговли, которая соединяет производителя с потребителем? В 23—24 г. оборот частного капитала в торговле составлял 50%, оборот государственного и кооперативного капитала тоже 50% — значит, пополам. Было законное опасение, что частный торговый капитал, развиваясь за счет государственного и кооперативного, найдет свою смычку с деревней. Но вот проверка: в 24—25 г. оборот государственной торговли и кооперации — 74%, а частный торговый оборот — 26%, т.е. около $\frac{1}{4}$. В позапрошлом году половина и половина, а в прошлом хозяйственном году, который кончился 1 октября, $\frac{3}{4}$ и $\frac{1}{4}$.

В области внешней торговли на долю государства приходится процентов 95, на долю частного капитала и контрабанды, которую тоже надо отнести к частной торговле, придется процентов пять.

Финансы, кредит, банковская система—целиком в руках государства.

Это и есть так называемые командные высоты. Не только военные, но и не-военные знают, что такое командная высота: это такая позиция, с которой легче, удобнее давать отпор врагу и наступать на него. Эти высоты рабочий класс не только удержал за собой, но и укрепил. Они теперь еще больше возвышаются над всем полем хозяйства, чем возвышались ранее. Повторим еще раз: продукция промышленности на $\frac{1}{5}$ в руках государства, внутренняя торговля — на $\frac{3}{4}$, внешняя торговля почти на 100%, транспорт на 100%, банковская система почти на 100%. По этой линии развитие явно и бесспорно идет в сторону социализма.

КУДА ИДЕТ КРЕСТЬЯНСТВО?

Ну, а с крестьянством как, с деревней? Тут дело посложнее. Государство держит в руках заводы и транспорт. Государство держит в руках аппарат внешней и внутренней торговли. Кооперация связана с государством. Здесь один хозяин — рабоче-крестьянское государство. Сельское хозяйство совсем иное: тут 22 миллиона дворов, 22 миллиона хозяев, вернее хозяйчиков, разбросанных по всему Советскому Союзу. Для них путь к социализму более сложный, более длительный, более извилистый. Там, в промышленности, один хозяин, работающий по плану, а здесь, в сельском хозяйстве, 22 миллиона хозяйчиков, из которых каждый работает на свой салтык. Вот в чем трудность, прибавьте еще бедность да некультурность. Будь у нас всего вдоволь, да будь мы все более или менее образованы, то дело создания социализма, как строя цивилизованных кооператоров, было бы просто. Но этого нет. Подлинно социалистический строй предполагает у всех членов общества развитое чувство личной ответственности,

основанное на слиянии личного интереса с общим. До этого нам еще путь не близкий. Нам приходится строить, исходя в значительной степени из личной заинтересованности. Где ее нет, воцаряется нередко безразличие, пассивность. Вот, к примеру, я посетил несколько месяцев тому назад в Запорожском округе, на Украине, сельско-хозяйственную коммуну. Как идут дела? Да так, говорят, ни шатко, ни валко, не повышается производительность труда. Если не повышается, то это гибель. У соседнего крестьянина производительность повышается. Почему же в вашей коммуне не повышается? Да, говорят, маловато личной заинтересованности: кормимся и одеваемся сообща, отдельной оплаты членов нет, что выработаем — в общий котел, независимо от работы каждого участника. Сразу схватились горячо, пошло хорошо, хороший выдался урожай. А потом град прошел — руки опустились. У кого рвения больше — тот и год и два выдержит, а потом, глядь: работает „как все“. В чем беда? В недостатке личной заинтересованности. И передовые коммуны теперь размышляют над тем, как ввести в свой трудоворот больше личной заинтересованности и ответственности, сохранив в то же время основы дружеского сотрудничества. Без личной заинтересованности нам пока еще не обойтись: слишком бедны, слишком мало культурны.

Не так ли, товарищи, было и с заводами и с фабриками? Пока существовала в первые годы уравнительная заработная плата, пока все получали поровну из общего котла, — работа не спорилась, страна больше проживала, чем вырабатывала. Что пришлось сделать? Пришлось заработную плату поставить в зависимость от производительности труда, в форме ли сдельной оплаты, или в иной форме — все равно. Только благодаря этому и стала подниматься промышленность. А что такое последние меры советской власти в деревне — разрешение арендовать землю, нанимать рабочую силу, все, что мы называем расширением деревенского нэпа? Это тоже усиление личной заинтересованности, с целью повышения производительных сил сельского хозяйства. К чему это приводит в городе? Там приводит к тому, что одни рабочие получают большую заработную плату, другие меньшую. Это значит, что один накормится

Библиотека
История Дел
1068443

лучше, придется лучше, но и только: хозяином он не станет, а останется рабочим на фабрике. А к чему это приводит в деревне? Там отдельный крестьянин, — ловчее ли он, счастье ли ему улыбнется, — вчера был середняк, сегодня зажиточный. Конечно, не все, а один на сто — глядь, зажиточный уже кандидат в кулаки, — канкул, что ли, назвать его сокращенно. А глядь из ста канкулов один вышел в полные кулаки. Вот в чем разница. У промышленности хозяин один, в его руках заводы и фабрики, и тут различие в оплате труда рабочих не влечет за собой социального расслоения. А у 22 миллионов хозяйчиков личная заинтересованность и рынок ведут к социальному расслоению: от середняцкой массы крестьянства отваливаются, с одной стороны, кандидаты в кулаки, а с другой — маломощные крестьяне, бедняки, а там, глядь, и батраки. Вот в чем разница хозяйственных процессов в городе и в деревне, вернее сказать, в государственной промышленности и в крестьянском сельском хозяйстве. Но можно ли было не расширять нап в деревне? Нет, потому что тогда захирело бы крестьянское хозяйство, сузился бы рынок, затормозилась бы промышленность... Без роста клина терской пшеницы не быть экспорту; а без экспорта — не быть и импорту, а без импорта не достать промышленного оборудования. Есть ли опасность при расширении напа? Опасность есть. Как велика она? Измерять ее нужно по четырем главным направлениям: 1) она прежде всего зависит от общего направления и темпа развития промышленности, торговли и финансов; 2) она зависит от той быстроты, с какой происходит расслоение в деревне; 3) она зависит от налоговой, кредитной и иной политики советской власти; 4) она зависит, наконец, от того, в какой мере батраки, беднота, малоимущие понимают свое положение и организуются для защиты своих интересов.

Как обстоит дело с промышленностью, торговлей и финансами, об этом я уж в общих чертах говорил. В этих областях государство прочно держит в своих руках завоевания Октябрьской революции, и не только за эти восемь лет не разбазарило, а, наоборот, приумножило и укрепило их. С этих командных высот, непрерывно возрастающих, государство наблюдает

за процессом роста производительных сил в деревне и за процессом расслоения внутри крестьянства. Что касается глубины и темпа расслоения крестьянства, то здесь трудно еще дать общие цифры, — какие даны насчет промышленности, — в силу крайней дробности и чрезвычайного разнообразия форм этого процесса. Над этим вопросом придется еще не мало поработать, чтоб уловить правильный его темп. Чего-либо непосредственно угрожающего в хозяйственном процессе деревни нет. Об этом свидетельствует непосредственный практический опыт мест. Но быть на-чеку необходимо: из этого источника военного коммунизма, комитетов бедноты, в сторону „раскулачивания“ кулака. Этого допустить нельзя. Это завтра же ударит по середняку, убьет личную заинтересованность крестьянина в продуктах его труда и приведет деревню на уровень 20—21 г.г. Но, с другой стороны, партия, рабочий класс и пролетариат в целом не безразлично относятся к тому, как развитие производительных сил в деревне отражается на батраках, на бедноте, на маломощных крестьянах. Нашими самыми верными и надежными союзниками и друзьями в деревне являются ее низы, а не кулацкие и полукулацкие верхи. Это надо помнить твердо. Ошибка в этой области могла бы обнаружиться на каком-либо трудном повороте смертельно. Каждый вопрос нашей политики в деревне должен проводиться через сознание бедноты. Партия дала лозунг: сплачивать вокруг партийных ячеек в деревне бедноту, чтобы тем правильнее установить отношения с деревенским середняком. Это значит: во-первых, с бедняком обсуди и ему уясни, чем вызывается общая политика нынешнего переходного периода и каждая правительственная мера в отдельности; во-вторых, с бедняком обсуди, конкретно и деловито, что государство

может сделать сегодня для того, чтобы помочь ему подняться, а не впасть в нищету и безработицу, которая, в силу избыточного деревенского населения, жестоко тяготеет над нашей страной. При внимательном сотрудничестве на низах с бедняками центр получит возможность гораздо правильнее наметать все законодательные и административные меры, затрагивающие деревню.

СМЫЧКА СИТЦЕВАЯ И СМЫЧКА ТРАКТОРНАЯ

Но, товарищи, никто из нас не должен заблуждаться относительно основного пути помощи бедняку и середняку. Этот основной путь есть развитие государственной промышленности. Только на этой основе кооперация развернется во всю мощь. Вопрос хозяйственной смычки не только сохраняет всю свою силу, но, так сказать, переходит в старший класс. В первые годы нэпа главная забота была о том, чтобы дать крестьянину ситец, сапоги, сахар. Другими словами, смычка развертывалась с крестьянином, главным образом, как с потребителем. И крестьянин давал городу преимущественно потребительские продукты. Теперь крестьянин требует от промышленности другого. Как производитель, он требует от промышленности сельскохозяйственных орудий и машин. В свою очередь, и промышленность все больше требует от деревни технического сырья. Вопрос о плуге, сеялке, тракторе становится сейчас в центре внимания деревни. Без индустриализации, без механизации сельского хозяйства мы социализма не построим. А дать машины может промышленность. Деревня требует мануфактуры, и мануфактуры не хватает. Нужно все больше! Однако, одной ситцевой смычки уже недостаточно. Нужна смычка металлическая. Требуется смычка тракторная. На ближайший год мы собираемся дать деревне 20.000 тракторов. Цифра большая и в то же время совершенно недостаточная. Из 20.000 тракторов — 2.000 собственного производства, а 18.000 будут ввезены из-за границы. Тут и сила наша и слабость наша. Что 20.000 можем дать — это сила. Что из них 18.000 ввозим из-за границы — это пока слабость наша. Но пусть наша

промышленность даст крестьянину, в первую голову, плуг, борону, сеялку, веялку; более сложные машины будем ввозить пока из-за границы.

Тут, товарищи, мы подходим к тому пункту, где требуется сказать: несмотря на наши большие хозяйственные успехи, мы все еще являемся тяжело отсталой, малограмотной и малокультурной страной. Мы все еще тяжело зависим от капиталистической техники, капиталистической экономики. У нас сейчас самое популярное слово среди передового крестьянства „фордзон“. Крестьянин говорит „фордзонишко“, — любовно, ласкательно, а в „Тереке“ я видел корреспонденцию селькора, который выбрал себе псевдонимом „Фордзон“, — не случайно, а из внимания к голосу деревни. Но что значит собственно фofdзон? Сын Форда. А Форд — американский капиталист, миллиардер. Тут все сразу как на ладони: мы, молодая социалистическая страна, зависим от иностранной техники, от американского эксплуататора, — значит, мы должны у него, эксплуататора, учиться, потому что работаем хуже, чем капиталист, работаем дороже, потому что малограмотны, потому что техника у нас низкая, потому что бедны умением и капиталом. В этом мы должны себе признаться открыто и в день восьмой годовщины Октября! Если бы до Октября мы говорили только о своих завоеваниях, о своей силе, то никогда бы не совершили Октябрьского переворота. Мы должны всегда первым делом открыто сказать то, что есть, признать свою слабость и учиться, учиться, — хотя бы у заклятого врага. Иначе не осуществить нам великой тракторной смывки. А на одной ситцевой не проживем.

НОВАЯ УЧЕБА

Сейчас, товарищи, открывается период новой великой учебы. Мы за восемь лет приблизились к восстановлению довоенного уровня и гордимся этим, — по праву гордимся тем, что пролетариат, впервые в истории, повел за собой крестьянские массы и сумел поднять разоренное, разбитое на части, лежавшее в развалинах хозяйство, и мы имеем полное право повернуться

лицом к врагу, к этому самому Черчиллю, и сказать ему: вы лжете и клеветаете перед английским народом, будто мы разорили Россию; наоборот, разоренную вами страну мы поднимаем вверх и уже приблизились к тому уровню, с которого она начала падать во время империалистской бойни!— Но, товарищи, довоенный уровень и есть уровень отсталости. Довоенный уровень нашел свою проверку в войне. И что же? Царско-буржуазная промышленность была в мировой войне разбита, несмотря на помощь могущественных союзников. Довоенный уровень для нас только первый барьер, который мы теперь берем. И мы будем дальше мерить наши успехи не по жалкому довоенному уровню, а по высшим европейским и американским образцам техники и экономики. Даешь американский уровень!— вот лозунг той новой эпохи, той новой учебы, в которую мы ныне вступаем. Что ж, фордзон так фордзон! Но это — до поры до времени. На капиталистическом двигателе социализма не построим. Нужен свой двигатель! Нужно выработать собственный тип трактора, более приспособленного к нашим условиям, — а главное нужно поставить массовое производство. Каждый трактор возьмет на буксир нашу темную, изъеденную нищетой, тараканами и болезнями деревню и вытащит ее на большую дорогу экономического и культурного развития. Мы посылаем в деревню несколько тысяч коммунистов. Это только слабое начало. Та сотня тысяч коммунистов-пролетариев, которая въедет в деревню на тракторах советского производства, — вот где завтрашние организаторы новой советской деревни, вот где будущие строители сельскохозяйственного социализма.

Деревня проснулась. Деревня хочет лучшего. Ей нужна великая учеба, как и городу. Деревня поднимается материально, и за учебу она готова платить. Несколько недель тому назад один калужский крестьянин спросил меня на собеседовании: „А когда советское правительство дальше снизит сельско-хозяйственный налог?“ Я ответил: „Да разве крестьяне будут и впредь требовать огульного снижения сельско-хозяйственного налога? Разве деревня, которая становится более зажиточной, хочет обучать детей в полуразрушенной школе,

хочет оставаться без дорог и мостов, с эпидемиями и во вшах? Разве деревня не хочет культуры? Не верю! Деревня, по мере своего роста, должна давать государству больше, но и требовать с него больше, чтобы не было разницы между городской и деревенской школой, чтобы сын крестьянина и крестьянки обучался наукам и входил в жизнь культурным человеком! Все участвовавшие в беседе крестьяне (а их было человек сорок-пятьдесят) загудели единодушно: „Правильно! Школы нужны, мосты нужны, больницы нужны. Если мы государству не дадим, где ему взять?“ Деревня сейчас жадна на технику, на грамоту, на культуру. Промышленности нужна крепкая учеба, чтоб эту жаждущую деревню напоить.

В одной белогвардейской газете я читал сегодня злорадное сообщение, что в Москве 30.000 беспризорных детей, среди них есть большие венерическими болезнями,— это среди детей! Да, есть, знаем, твердо помним, ни на один день не забываем. Беспризорные — это наследие всего нашего прошлого, империалистской бойни, гражданской войны, Колчака, Деникина, Врангеля... Мы только-только приступаем к излечению язв, разъедающих тело народа. Кисловодск — курорт, куда стекаются больные, нуждающиеся в исцелении. Но это капля малая. Весь народ в целом нуждается в том, чтобы страну нашу превратить в один могучий культурный курорт, где бы согбенные веками под тяжестью нищеты, под гирями темноты и предрассудков, могли выпрямить спину и вздохнуть, как свободные люди. Оглядываясь назад, на эти восемь советских лет и на десятки лет борьбы перед Октябрем, на тысячи, десятки и сотни тысяч убитых, замученных, расстрелянных, мы говорим дорогим теньям: не сдадим, продолжим, доведем до конца! Пройдет еще восемь лет и наша страна сделает новый исполинский шаг к социализму. Преобразится деревня, преобразится город, преобразится народ. Довольство станет основой культуры. Богатство будет расти для всех. Жизнь станет лучше, ярче, радостнее. Новые поколения будут идти вперед и вперед! (аплодисменты, Интернационал).

СОДЕРЖАНИЕ

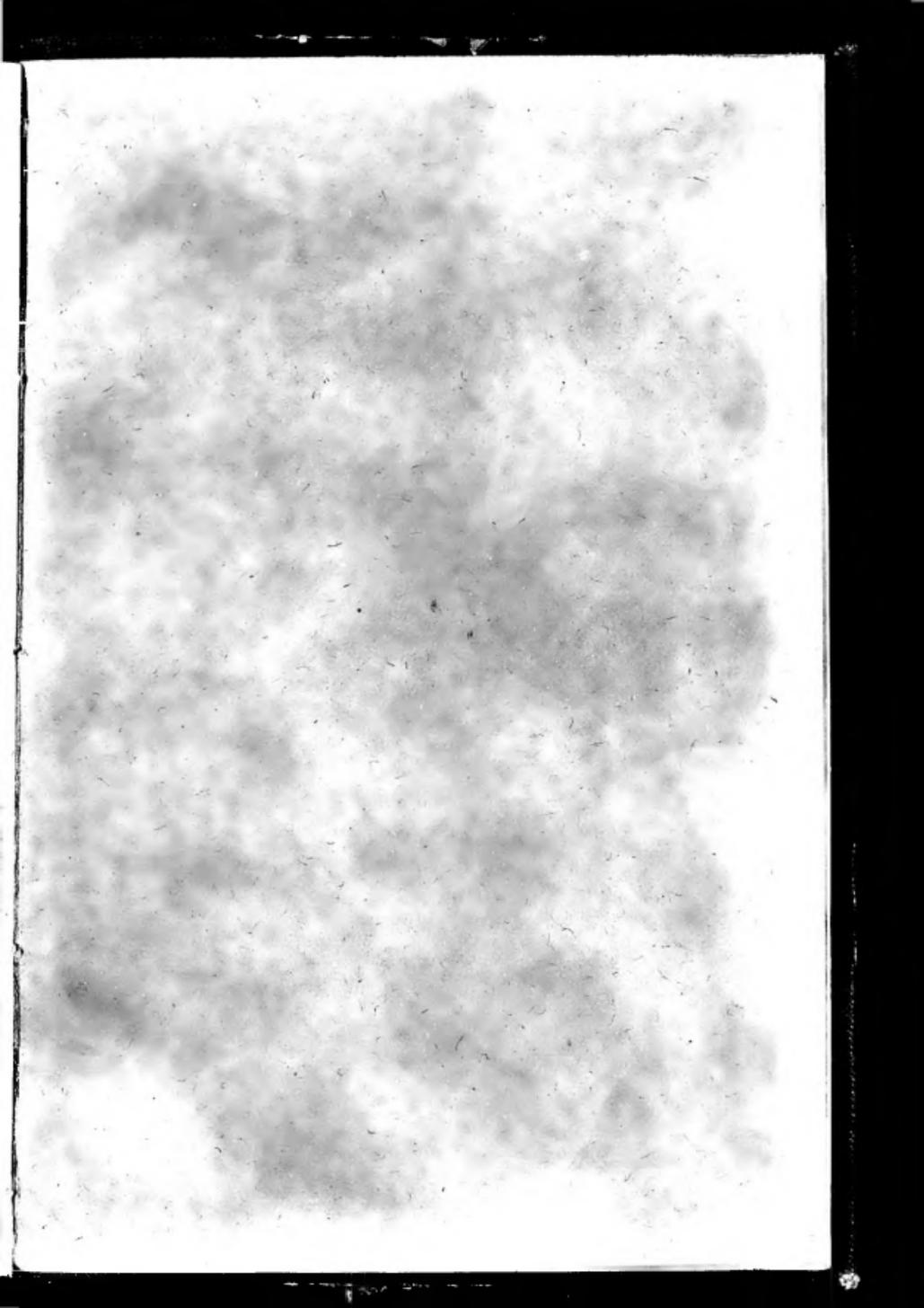

	<i>Стр.</i>
Направление и темп	3
Капиталистические миротворцы.	4
Мы не безоружны. У нас не только враги, но и друзья	9
Рост производства и выход за границу	12
К социализму или к капитализму	14
Куда идет крестьянство?	15
Смычка ситцевая и смычка тракторная	19
Новая учеба.	20

2р.

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (6)

19089

15 нон.

2 p

